

Выждав удобный день и разузнав, что Шао Инлинь родом из южных краев и питает слабость к тамошним безделушкам и яствам, Цзя Чжу решил этим воспользоваться. Собравшись в усадьбу Линь на очередную тренировку, он прихватил с собой короба с диковинными гостинцами из Цзяннаня.

Учитель, завидев подношения, сразу смекнул, что молодой человек пришел просить о какой-то услуге. Не дожидаясь, пока тот заговорит, Шао Инлинь добродушно поддразнил гостя:

— Что за редкий гость! Верно говорят: без нужды и в храм не зайдешь. С тех пор как ты, Чжу-эр, поступил на службу в Академию Ханьлинь, о старом наставнике и вспомнить некогда? Неделями носа не кажешь! Да и сегодня прибежал небось только ради того, чтобы поучиться фехтованию у Цзинь-эра? Больно, больно видеть такое пренебрежение...

Цзя Чжу поспешил притворно замахать руками, изображая испуг:

— Полноте, учитель! За что же вы меня так караете? Не ровен час, громом поразит за подобные наветы! Как можно забыть о вас? Просто в Академии я человек новый, дела еще толком не освоил, а служба суровая — пять дней в трудах, и лишь один на роздых. Оттого и не получается навещать вас так часто, как велит сердце. Но клянусь: едва выдастся свободная минутка — я сразу к вам! Да и к чему лукавить? Вам ли тосковать в одиночестве? Рядом всегда господин Су, заботливый и преданный, куда нам, ветреным юнцам, до него! Опять же, дядя Линь после службы непременно заглядывает разделить с вами чашу чая, полюбоваться цветами да потолковать о делах минувших. А уж когда маленькая сестрица Дайюй вьется вокруг ваших колен... Признаться, нам с Сююем порой кажется, что у вас на нас и времени-то нет. Брат Юй постоянно жалуется, мол, наставник наш совсем позабыл учеников, отдавая всю душу девчужке!

Шао Инлинь довольно улынулся. Повернувшись к сидевшему рядом Цзэцзиню, он со смехом заметил:

— Вот ведь хитрый малый! Не зря говорят, что у Чжу-эра язык без костей — одним махом всех ублажил, никого не обидел! Наш Юй-эр мнит себя мастером изящной словесности, а вот в умении улеживать людей ему до этого пройдохи далеко.

Поняв, что наставник окончательно смягчился, Цзя Чжу решил ковать железо, пока горячо:

— Я ведь знаю, как благосклонны вы ко мне, потому и осмелился явиться с просьбой, надеясь на вашу безграничную доброту, — он выждал короткую паузу, внимательно следя за реакцией собеседника. — Должно быть, вы слышали, что у меня есть младший брат, который явился на свет с драгоценным нефритом во рту. Мальчик как раз вошел в тот возраст, когда пора всерьез браться за книги. Характер у него причудливый, но умом он наделен необычайным, да и способностями превосходит меня во сто крат. Беда в том, что достойного учителя — мудрого мужа, подобного вам, — мы ему так и не сыскали. Отец с матушкой извелись, боясь упустить драгоценное время. Вот и поручили мне умолять вас хотя бы взглянуть на отрока. Вдруг вы найдете его достойным наставничества?

Шао Инлинь слегка нахмурился:

— Уж не о том ли отроке речь, которого нарекли Баоюем?

— О нем самом, — поспешно подтвердил Цзя Чжу.

— Слыхал я об этом чуде, — задумчиво протянул наставник. — За свою жизнь я немало скитался и повидал всякого, но вот младенца, рожденного с яшмой во рту, встречать еще не доводилось. Должно быть, в этом мальчике действительно кроется некая исключительность.

Приняв эти слова за согласие, Цзя Чжу просиял:

— Значит, вы согласны встретиться с ним? Премного благодарен вам, учитель! На днях отец лично привезет Баоюя к вам на поклон.

Уладив это важное дело, Цзя Чжу отправился во внутренние покои, чтобы засвидетельствовать почтение дяде Линь Хаю и тетушке Цзя Минь. Затем он заглянул в кабинет к Сююю — поболтать о пустяках, и лишь после этого откланялся и покинул усадьбу.

Прошло несколько дней. Дождавшись очередного выходного старшего сына, Цзя Чжэн вместе с ним лично повез Баоюя в усадьбу Линь. Для мальчика это было первое посещение родственного дома. Кузина Дайюй была еще слишком мала, и строгие правила не позволяли ей покидать внутренние покои, а старший брат Сюйюй, хоть и бывал изредка в поместье Жунго, внушал Баоюю лишь благоговейный трепет. Обходительный и щеголеватый с виду, молодой Линь на поверку оказывался куда строже старшего брата, Чжу-эра: стоило ему открыть рот, как речь заходила о государственных делах, экзаменах и чиновничьей карьере. Баоюй подобные темы ненавидел всей душой и предпочитал держаться от грозного кузена подальше. Из-за этого, несмотря на соседство усадеб, мальчик, в отличие от своего общительного брата, с домом Линей связи почти не поддерживал.

Всю дорогу отец без умолку читал сыну наставления, требуя забыть о своих обычных капризах и глупостях. Он велел держаться перед господином Шао с величайшим благоговением и, упаси боже, не сболтнуть лишнего.

Слушая это, Цзя Чжу мягко улыбнулся:

— Отец, не стоит так тревожиться. Наш учитель вовсе не из тех закостенелых ревнителей морали, что требуют слепого подчинения правилам. Напротив, он ценит в людях живую искренность, а всякое притворство видит насквозь.

Цзя Чжэн, однако, лишь нахмурился:

— Не говори глупостей! Когда вы с Сюем занимались у него, разве смели вы нарушать приличия? Учитель может проявлять снисходительность и не обращать внимания на ваши вольности, но уважение к старшим — основа основ. Почитание наставников заповедано нам древними мудрецами, и наш долг — свято чтить их заветы.

Баоюй лишь покорно кивал, делая вид, что внимает каждому слову, а Цзя Чжу предпочел больше не спорить и замолчал.

По приезду в усадьбу гостей сперва проводили в кабинет к Линь Хаю. Хозяин дома немедленно отправил слугу известить наставника об их визите. Однако вскоре к ним вышел присланный Шао Инлинем Шао Цзюнь. Вежливо поклонившись, юноша передал слова отца:

— Пусть молодой барин Чжу сам ответит брата. Мой родитель сегодня занемог и боится нарушить приличия своим нездоровым видом, а потому покорнейше просит уважаемого господина Цзя Чжэна простить его и освободить от личной встречи.

Цзя Чжэн, хоть и раздосадованный таким приемом, поделаться ничем не мог. Ему оставалось лишь строго велеть старшему сыну как следует представить Баоюя учителю. Цзя Чжу пообещал все исполнить и увел брата за собой.

Шао Цзюнь повел братьев через тенистый сад к уединенному флигелю отца. Стоило им скрыться с глаз Цзя Чжэна, как с Баоюя мигом слетела вся напускная покорность; на его лице отразилось уныние и явное нежелание подчиняться чужой воле. Цзя Чжу, мельком оглянувшись, заметил его кислую мину. Он прекрасно понимал чувства брата, но не стал тратить слова на попреки и лишь молча шел впереди.

У ворот маленького дворика они еще издали заметили Су Цзэцзиня. Тот стоял у входа, скрестив руки на груди, словно поджидая гостей. По своему обыкновению, находясь на улице, юноша скрывал лицо под полями глубокой бамбуковой шляпы-доули.

Цзя Чжу поспешил навстречу и тепло приветствовал его:

— Неужели наставник велел вам встречать нас? Зачем такие церемонии! Солнце сегодня палит нещадно, не стоит вам томиться на жаре, пойдемте скорее в дом.

Будучи человеком, отрешившимся от мирской суеты, Цзэцзинь не придавал значения сословным условностям. И хотя он наставлял Цзя Чжу в ратном деле, тот не решался звать его учителем, величая просто «молодым господином Су».

Качнув головой, Цзэцзинь ответил:

— Нет, учитель меня не посылал. Мне просто захотелось самому взглянуть на вашего брата.

Цзя Чжу поспешил представить брата, обернувшись к нему:

— Баоюй, это мой наставник по искусству меча. Зови его просто господином Су.

При виде Цзэцзиня от былой скуки Баоюя не осталось и следа — он восторженно округлил глаза. И пусть лицо незнакомца скрывали поля доули, сквозь них угадывался облик хрупкий и благородный, а сама осанка дышала чистотой и отрешенностью от суетного мира.

Оторопев на мгновение от восхищения, Баоюй поспешил согнуться в глубоком, угодливом поклоне. Сложив перед собой руки, он заговорил, словно медом мажа:

— Пусть я глуп и мало что повидал на веку, но сразу вижу: вы, молодой господин, рождены не для этой юдоли грязи и пошлости! Наверняка вы питаетесь лишь чистой росой и горным воздухом, раз сумели сохранить столь дивный, неземной облик, не оскверненный мирской суетой!

Стоявший рядом Цзя Чжу мысленно поморщился. Ему ли было не знать причуд младшего брата? Баоюй вечно тянулся к людям необычным, презиравшим светские условности. Будь то Цинь Чжун, Цзян Юйхань или Лю Сянлянь — ни один из них и близко не подходил к казенной службе. Вот и сейчас чутье на отшельников и чудаков не подвело мальчика: он с первого взгляда распознал в Цзэцзине родственную душу и тут же вспыхнул к нему благоговением.

Заметив, что брата заносит, Цзя Чжу поспешил его одернуть:

— Молодой господин посвятил себя служению Дао. Оставь свои вольности и веди себя прилично.

Баоюй ничуть не смутился и радостно закивал:

— Вот оно что! Человек, отмеченный небесным благословением! Неудивительно, что от вас так и веет прохладой бессмертных!

Видя, что брат буквально пожирает Цзэцзиня взглядом, Цзя Чжу тихонько подтолкнул его в бок и зашептал на ухо:

— Господин Су — близкий друг и помощник наставника. Твое бесстыдство лишь рассердит старика. Какое впечатление ты хочешь о себе оставить, еще не переступив порог?

Эти слова подействовали на Баоюя как ушат холодной воды. Пыл его мигом угас, он уныло понурил голову и поплелся следом за братом.

— Учитель Шао — человек широких взглядов, совсем не чета тем сухим книжникам, которых

ты так не любишь, — негромко подбодрил его на ходу Цзя Чжу. — Если он спросит о чем-то, отвечай честно и прямо.

У входа в кабинет Шао Цзюнь вежливо приподнял тяжелую бамбуковую занавесь, приглашая гостей войти.

<http://bllate.org/book/18221/1765753>